

Владислав Софронов

Измениться, чтобы понять

Ален Бадью. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику?

Краткий трактат по метаполитике. Пер. с фр.: Б. Скуратов, К. Голубович.
М.: «Логос». 2005. – 240 с. (Тираж: 3.000 экз.)

Ален Бадью привлекает к себе постепенно все больше внимания. Его книги выходят одна за другой, читающая публика, по-видимому, им интересуется. Читать его, однако, непросто, его марксизм для современного русского читателя – тоже предмет по большей части недоумения, так что не совсем понятно, почему его популярность растет такими темпами. Первый возможный ответ на данный вопрос: рынок интеллектуальной продукции, как и любой другой рынок, для своего «разогрева» и развития требует постоянного появления «новинок». Сектор постструктурализма освоен практически до конца (по крайней мере в тех масштабах, в которых он может быть «переварен» читающими по-русски). Так что пришла пора выходить за его пределы – что, по-видимому, и происходит.

Читать Бадью, повторюсь, непросто. По двум причинам. Во-первых, как непросто читать любого философа (плохого и незначительного так же непросто, как выдающегося). Он пишет достаточно сложным языком и настойчиво пользуется незаимствованным, самостоятельно разработанным категориальным аппаратом. (К тому же не переведена его главная книга «Бытие и событие», что делает понимание его текстов еще более сложным.) Во-вторых, из-за его марксизма, которому он всегда был верен и от которого, в отличие от очень многих, до сих пор не отрекся. Сегодня у нас авторитет марксизма только-только начинает возрождаться (интерес к Бадью – один из признаков такого возрождения). Одними он забыт, другими оболган, большинству пока просто неизвестен. И здесь Бадью чрезвычайно «уместен», здесь он на месте: с одной стороны, он использует сложный философский язык (которым у нас маркирована «настоящая философия») и понятия вроде «сингулярность», близкие сердцу переварившего (или не переварившего) постструктурализм читателя. С другой стороны, за счет своего марксизма он выходит далеко за пределы привычной тематики и может полноправно позиционироваться на рынке как настоящая новинка.

Вышедшие ранее в русском переводе книги Бадью (об апостоле Павле, о Делёзе, о «манифестациях» философии в политике, науке, искусстве и любви) воспринимались в некоем абстрактном и пустоватом метафизическом пространстве, где им не хватало контекстов для более или менее адекватного понимания. Теперь же, когда перед нами книга, целиком посвященная традиционной марксистской тематике – мышлению о

политике, – позиция Бадью видится более ясно. И главное, на мой взгляд, что там стоит увидеть, это реабилитацию понятия «истина» и даже того, что условно можно назвать «практикованием истины». Это, как представляется, есть смысловой центр книги – *мысль соотносится с истиной, а не с плюралностью мнений* (выраженное так абстрактно, это положение, конечно, может показаться слегка тривиальным, но для нас, увы, даже эта тривиальность является чем-то новым):

«Коль скоро «политика» находит единственное легитимное место в общественном мнении, то само собой разумеется, что из нее исключена тема истины. <...> задолго до того, как стать арендтианской или кантианской, тема несводимой противоположности между истиной и мнением была платонической; <...> иными словами, ее можно назвать идеей философской монополии на истину, идеей, облакаемой в связь между истиной и «философской жизнью» <...> но стоит при этом отметить, что та идея, что политика <...> вечно обречена относиться к сфере мнения, будучи навсегда оторванной от всякой истины, платонической никак *не является*. Известно, что эта идея – софистическая. <...> Реабилитацией заслуживает называться реабилитация, разумеется, не «свободы мнения», но темы истины, которую нужно продвигать, опираясь на безусловные реальные истины, посредством низвержения философского релятивизма и [посредством] критики капитало-парламентаризма» (с. 106, 109).

Следующий важный момент книги – это прояснение связи между центральным понятием философии Бадью – «сингулярностью события» – и ее (этой сингулярности) условиями и последствиями. В сознании русского читателя, подозреваю, сингулярность Бадью связывается с некими самодостаточностью и «остановкой». Но уже сейчас должно проясниться, что для французского философа это совсем не так. Очередной раз отмечая, что первоначалом всякой политики является абсолютная сингулярность, Бадью тут же продолжает: «Всякая политика существует только в *последовательности*, пока *развертывается* то, на что событие «способно» в том, что касается истины» (курсив мой. – В.С.; с. 115). И далее – политика освобождения и справедливости как реализация «идеи справедливости и освобождения человечества» (с. 154). Тем самым становится понятно, что сингулярность события – это не «замороженная монада»; она находится в сложной связи с одним из принципиальнейших векторов марксистской традиции – с историей (и с борьбой за интеллектуальную, политическую и социальную истину, которая как таковая неотделима от истории).

Тем не менее нужно сказать, что этот исторический и практический вектор (по крайней мере, в известных нам пока книгах) все же кажется не так тщательно прописанным, как вектор сингулярности и его категори-

альной (в своем а-историческом применении) проработки. Этому есть объяснение. Лучшие годы Бадью, не считая 68-го, пришлись на десятилетия поражения и упадка. Следы этих разочарований и усталости очевидны в его книгах. Так, работу «Можно ли мыслить политику?», написанную в 1984 году, в низшей точке спада, он начинает утверждением, что все основополагающие политические категории – рабочее движение и интересы собственников, национализм и интернационализм, капитализм и социализм и т.д. – «мало-помалу перестали работать» (с. 9).

И все же даже «деструкция» марксизма для Бадью – средство «предохранения его от вырождения» (с. 19), а не похороны. При этом Ален Бадью никогда не отказывался от попыток соединить свое академическое философствование и свою политическую практику, что было делом совсем не частым в те десятилетия власти разочарованных (он является создателем и участником «Политической организации», группы прямого низового коллективного политического действия, нацеленной на практическую борьбу за права иммигрантов, рабочих, бездомных и т.п.).

Итак, главный смысл этой книги мне видится в продумывании таких тем, как истина, практикование истины, то есть политика освобождения и справедливости. Все остальные темы книги вытекают из них. Перечислю кратко некоторые из ее других проблематизаций. К ним относятся: критика присущего и консерватизму и либерализму представления о греховности природы человека (с. 114–115); отстаивание той точки зрения, что поражения революций не накладывают запрета на их будущие победы, что «теория тоталитаризма» не может дать объяснение имевшим место поражениям (с. 154–155); указание, что подлинной человеческой способностью является не *интерес*, а мысль «как то, благодаря чему истина охватывает и пронизывает человеческое существо»: подлинная политика основана на эгалитарном принципе способности различения истинного, или благого, – «всех слов, которые философия воспринимает под знаком истины, на какую способен коллектив» (с. 180–181). Наконец, это традиционная марксистская тема критики государства как неспособного осуществить идею справедливости, поскольку для государства справедливость – это *гармонизация игры интересов*: «Но ведь справедливость, т.е. теоретическое имя аксиомы равенства, с необходимостью отсылает к полностью бескорыстной, незаинтересованной, субъективности» (с. 183).

И все-таки это только начало нашего понимания Бадью. Нам неизвестен его главный труд. Мы совсем плохо представляем себе круг тех авторов, которые являются для него референтными; хуже всего нам известен западный, да и мировой в целом, послевоенный марксизм. Наконец, должны измениться мы сами, чтобы понять его. Потому что в стране, где большинство интеллектуалов относятся даже к экономической борьбе трудящихся в лучшем случае с недоумением, а то и как к «восстанию

быдла», стремление Бадью *мыслить* забастовку рабочих-иммигрантов на заводе Тальбот – возьмем только один пример – не может быть понято адекватно. Но если книги марксиста Бадью переводятся, читаются и рецензируются в журналах, значит, с нашими интеллектуалами что-то происходит в этом направлении? Или нет?

Федор Блюхер

Вклад тов. Альтюссера в развитие философии марксизма

Издательством «Ad Marginem» выпущен небольшой сборник работ Луи Альтюссера «Ленин и философия», в котором две работы из трех посвящены философским исследованиям В.И. Ленина: одна – «Материализму и эмпириокритицизму», другая, приуроченная к Гегелевскому конгрессу в Париже, – «Философским тетрадам». Эти тексты, написанные без малого сорок лет назад между студенческими волнениями в Париже и вводом советских войск в Чехословакию, являются как бы философским памятником западному интеллектуальному марксизму. Поэтому рецензия посвящена не только текстам самого Альтюссера, но и герою его произведений – В.И. Ленину как философу.

Мы сразу сталкиваемся с парадоксом. Гениальный политический деятель В.И. Ленин и поверхностно начитанный мыслитель В.И. Ульянов никогда не был философом и, собственно говоря, никогда себя философом не считал. Более того, на начальных этапах своего творчества к философии относился довольно презрительно. Повторяя слова Дицгена, что философия – «*неверный путь неверный путей (den Holzweg der Holzwege)*», он считал, что ее изучение необходимо исключительно для того, чтобы не допускать уже однажды сделанных человечеством ошибок: «Я не просто не разделяю их *философию*, я и не философствую так, как они. Философствовать, как они, – значит попусту растрачивать сокровища разума и пронизательность, бесконечно пережевывая философскую *жвачку*. <... > я воспринимаю ее [философию] как *практику* в соответствии с идеями Маркса...»¹ Для того чтобы понять, как именно философствовал В.И. Ленин, нужно принять одно допущение: признать, что человек – прежде всего «существо полити-

¹ Цит. по: *Альтюссер Л. Ленин и философия*. Пер. с фр. Н. Кулиш. Послел. В. Софронова. М.: Ad Marginem, 2005, с. 19, 20–21.